

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.С. СОЛОВЬЕВА

УДК 11:82(470)
ББК 87.3(0)522-685

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭТОЛОГИЯ ВЛ. СОЛОВЬЕВА¹

Е.Б. РАШКОВСКИЙ

Национальный исследовательский центр Институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии наук
ул. Профсоюзная, 23, 117997, Москва, Российская Федерация
E-mail: eug.rashkov@gmail.com

Поэтология Соловьева рассматривается в общем контексте его наследия, в контексте его философии Всеединства. Три основные бытийственные универсалии – Истина, Добро и Красота – образуют, согласно философии Соловьева, основное поле нашей свободы и потребность собирания нашего распадающегося конфликтного мира через внутренний опыт человека. На основе изучения философского, поэтического и эпистолярного наследия Соловьева утверждается, что поэтология Соловьева с особой силой проясняет как основы его «софийного», точнее – библейского, видения, так и моменты трагизма в его мировоззрении. Сам труд истинного поэта понимается Соловьевым как необходимый элемент индивидуально-человеческой и соборно-человеческой работы по исканию и утверждению того Всеединства, которое в общем контексте соловьевской мысли – и является, по существу, метафизической идиомой Царства Божия. Таким образом, соловьевская поэтология (как часть учения о Красоте словесного опыта человека) исподволь конвергирует с его обоснованиями («оправданиями») ценности Истины и Добра. В заключение рассматривается вопрос о связи поэтологии Соловьева с историей его дружбы и сотрудничества с поэтом Афанасием Фетом.

Источники исследования: философское, поэтическое и эпистолярное наследие Соловьева.

Ключевые слова: поэтология Соловьева, метафизика Всеединства, Красота, Добро, Софизм, поэзия, трагизм, судьба и поэзия А.А. Фета

VLADIMIR SOLOVYOV'S PHILOSOPHICAL POETOLOGY

E.B. RASHKOVSKY

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

The article considers Solov'yov's poetology in the general context of his heritage, his philosophy of All-Unity. The three basic universal concepts of being – Truth, Good and Beauty – make up, according to Solov'yov's philosophy, the main field of our freedom and the need to collect our confrontational world through the inner experience of man. Based on studying Solov'yov's philosophical, poetic and epistolary heritage, it is stated that Solov'yov's poetology even more clearly explains both the bases of his "Sophianic", more precisely biblical, concept and the tragic aspects of his worldview. The very work of a true poet is understood by Solov'yov as an essential element of individual human and conciliatory human work of searching for and establishing the All-Unity that – in the general context of Solov'yov's thought –

¹ В основу статьи положен одноименный доклад, прочитанный в Московском «Доме А.Ф. Лосева» 6 мая 2018 г.

is, in fact, a metaphysical idiom of the Kingdom of God. Thus, Solovyov's poetology (as a part of his teaching of Beauty of human literary experience) implicitly converges with his grounding ("justifications") of the value of Truth and Good. In conclusion, the article considers the question of connection of Solovyov's poetology with the history of his friendship and cooperation with the poet Afanasy Fet.

The sources of the study: Solovyov's philosophical, poetic and epistolary heritage.

Key word: Solovyov's poetology, metaphysics of All-Unity, Beauty, Good, Sophia, Ποιησις, the Tragic, A. Fet's life and poetry.

Поэтология

*Званы еще многие в царство песнопений, –
Избранных, как прежние, – уж почти не стало.*

В. Соловьёв.

На смерть А.Н. Майкова, 1897²

В монографии, посвященной сравнительному анализу философии Соловьёва и Макса Шелера, немецкий историк философии Хельмут Даам обосновал мысль, что одна из капитальных трудностей изучения наследия Соловьёва связана с тем, что современное религиозно-философское содержание этого наследия, актуально и поныне, зачастую облечено в дискурсы традиционного академического философствования и социального утопизма, характерные для позапрошлого, XIX столетия³.

Однако для понимания Соловьёва как бы сами собой напрашиваются категории современного философского языка⁴: соотносительность, присутствие, Другой, смыслы, идиома... Кто знает: придет еще время («если – по талмудическому выражению – будущее будет») и понадобятся еще и новые категории, а с ними – и новые интерпретации. Суть философских трудов не только «остается в столетии» (как говорил один из героев «Села Степанчикова»), но и раздвигается во времени. Ибо труды эти – в их высоком качестве – не только «о времени и о себе», как писал Маяковский, но и *о том, что́ всегда*.

Стало быть, для разработки нашей проблемы важны не пересказ и не систематизация соловьёвских высказываний о конкретных поэтах, об их заслугах и промахах (хотя и этих сюжетов нам не миновать), но интенсивная теоретиче-

² Эпиграфы здесь и далее – из стихов В. Соловьёва.

³ См.: Dahm H. Vladimir Solovyov and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation / transl. by K. Wright. – Dordrecht-Boston: D. Reidel, 1975. XI, 324 p., sch. [1]. Можно вспомнить в этой связи и, может быть, не вполне справедливые слова Н. А. Бердяева: «...в философско-богословских своих схемах Соловьёв себя прикрывал, а не раскрывал. Настоящего Соловьёва нужно искать в отдельных строках и между строк, в отдельных стихах и небольших статьях» (см.: Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // Сборник первый. О Владимире Соловьёве. М.: Путь, 1911. С. 104 [2]).

⁴ Здесь нельзя не отметить огромный вклад А. Ф. Лосева в российскую культуру современных интерпретаций старых философских наследий, прежде всего его комментарии к сочинениям Платона.

ская работа со всем комплексом наследия русского мыслителя: с собственно философскими текстами, с публицистикой, рецензиями, энциклопедическими статьями, литературной критикой, с поэзией (включая и оригинальную его поэзию, и весь комплекс его поэтических переводов – от библейских фрагментов и Платона до Лонгфелло и Теннисона), с перепиской и апокрифическими высказываниями, донесенными до нас мемуаристами.

О поэтах Соловьевым написано немало: прежде всего о Пушкине (пушкинская проблематика вообще занимает важное место в философских исканиях позднего Соловьева⁵); особые работы Соловьева посвящены Мицкевичу, Тютчеву, Лермонтову, Алексею Толстому, Полонскому, Фету, Майкову, братьям Жемчужниковым (равно как и их совместно с Алексеем Толстым порождению – Козьме Пруткову), Случевскому, Голенищеву-Кутузову. Проникновенные стихи Соловьева посвящены Жуковскому⁶, Майкову, Фету, Полонскому, Случевскому.

Глубоко понимая специфику лирической поэзии (для Соловьева поэзии *par excellence*), философ в то же время был не всегда справедлив в оценках пушкинской судьбы, в интерпретациях Лермонтова, Некрасова, ранних русских символистов, хотя и дал высокую оценку бальмонтовским переводам из Шелли – «самого вдохновенного из английских поэтов»⁷. Возможно, на излишне порой критичных оценках могла сказаться и некоторая односторонность морализирующего и утопического философского гения Соловьева. Но не об этом пойдет речь.

Итак, в основу реконструкции философской поэтологии Соловьева должен быть положен не экстенсивный пересказ отдельных его суждений, но, прежде всего, теоретические основания его подхода к феномену поэзии – особенно в последнее, самое зрелое десятилетие его творчества.

Само понятие *поэтологии*, в отличие от нормативной *поэтики*, т. е. рассмотрения уже готового поэтического текста, знаменует, скорее, опыт *понимания* четырехфазового (или, точнее, пятифазового) творческого процесса: поэт – текст – читатель (общество) – поэт. Поэтология есть, в сущности, *философия поэзии*, трактуемая, однако, через судьбы, творчество и историческое восприятие наследия конкретных поэтов.

⁵ См.: Рашковский Е.Б. Осознанная свобода. Материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. М.: Новый хронограф, 2005. С. 115–117 [3].

⁶ В примечании к стихотворению «Родина русской поэзии» (1897 г.), посвященному элегии Жуковского «Сельское кладбище» (вольный перевод из Томаса Грея (1716–1771), Соловьев пишет, что эта элегия «может считаться началом истинно-человеческой поэзии в России после условнориторического творчества Державинской эпохи» (см.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: СП-ЛО, 1974. С. 118 [4]).

⁷ См.: Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской; коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991. С. 518–519 [5].

Понятие это развилось в мировой мысли на исходе прошлого столетия. У нас в России оно закрепилось, прежде всего, трудами О.А. Седаковой⁸.

И коль скоро речь у нас идет о поэтологии Соловьева, то чуть ли не за целый век до введения этого занимающего нас понятия Соловьевым (на самом исходе его жизни!) был создан небольшой своего рода поэтологический трактат – «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.).

Метафизика Всеединства

В незримой глубине сознания мирового

Источник истины живет, не заглушен...

Ночь на Рождество, 1894 г.

Думается, философская поэтология Соловьева неотъемлема от всего общего склада его наследия, от всего склада его метафизики Всеединства. И по-сему нам придется кратко остановиться на основах этой метафизики, приблизив ее, однако, к осмыслению избранной нами темы.

Одна из определяющих предпосылок соловьевского философствования – различение Бытия и Сущего, причем понятие Сущего у Соловьева несет в себе явные богословские, а точнее – библейские коннотации⁹. Наше познание действительно, прежде всего, в сфере данного нам Бытия, но тем не менее оно устремлено к надбытийственному Сущему, ибо держится «непознаваемым», «несказанным», той «безусловной действительностью», «которую мы находим в самих себе как непосредственное восприятие»¹⁰. Сущее – и *ничто*, ибо превыше наших земных определений, но оно же – и *всё*, ибо неизреченным образом содержит в себе все положительные определения Бытия¹¹. В Бытии могут быть моменты заблуждений, произвола, бунтов, срывов, но всё же Бытие живет под знаком Сущего и надеждою на должное, т. е. на примирение с Сущим. Однако же и бунтующая мысль, и «человек бунтующий» (вспомним *l'homme revolté* у Альбера Камю), подобно Блудному сыну из евангельской притчи (Лк 15:11-32), могут возвращаться в Дом Отчий, но – обогащенные опытом страдания и радостью примирения.

Собственно, эта сложная динамика Сущего и бытующего – динамика Провидения и свободы – и образует ту область «положительного», или Божественного Всеединства, которая в общем контексте соловьевской мысли и оказывается метафизической идиомой Царства Божия. В письме С.А. Венгерову (Москва, 12.07.1892) философ отмечал, что термин Всеединства был введен в

⁸ См.: Седаква О.А. «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/227> – Доступ: 28.01.2018 [6].

⁹ См.: Исх 3:14; Ин 5:26.

¹⁰ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 276 [7].

¹¹ Там же. С. 277.

русский философский язык им самим¹². Идея Божественного Всеединства отражала стремление философа преодолеть традиционную для схоластического и метафизического мышления теоретическую антиномию имманентности и трансцендентности Бога в отношении твари¹³.

Даже само «царящее на земле» человеческое время – вспомним стихи Соловьева

*Смерть и время царят на земле –
Ты владыками их не зови... – (1887)¹⁴,*

условный и помраченный дериват Сущего: «...тайна времени – та истина, что время есть только перестановка одного и того же существенного смысла жизни, который сам по себе есть вечность»¹⁵.

Эта сложная идея Божественного Всеединства обосновывает у Соловьева дискретную, недосказанную, но все же насущную взаимную необходимость трех основных бытийственных универсалий: Истины, Добра и Красоты. Они неразменны, подчас даже конфликтны в нашем повседневном опыте, но они необходимо сходятся, конвергируют в таинственных пространствах Божественного Всеединства. И их с трудом дающаяся сознанию недосказанная, но всё же взаимная необходимость образует творческое поле (или, если угодно, «категорический императив») нашей свободы, а с нею – и потребность собирания нашего постоянно распадающегося, конфликтного мира через внутренний опыт человека.

Итак, универсальная Красота, которая исподволь дается нам в красоте природы, женщины, мысли, искусства и – не в последнюю очередь – поэтического слова, – это то, что не сводимо ни к полезности, ни к моральным предписаниям, ни к отношениям материального порядка. Непосредственно связанная с нашим чувственным опытом (свет, звук, ритм), она всё же превышает наших стремлений к конкретному обладанию. Ценность Красоты всегда неуловима, всегда по-разному трактуема, но всегда непреложна¹⁶.

Сама по себе Красота, разумеется, – «чистая бесполезность»; будучи даже отчасти функциональна в мире природы, она всё же неотъемлема от целостного

¹² См.: Соловьев В. С. Собр. соч. Письма и приложения. Фототипическое издание. Bruxelles: Жизнь с Богом, 1970. Вторая пагинация. С. 321 [8].

¹³ См.: Desmond W. God beyond the Whole. Between Solov'ev and Shestov // Vladimir Solov'ev: Reconciler and Polemicist / Ed. by W. van den Bercken e. a. – Leuven, etc.: Peeters, 2000. P. 185–210 [9].

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 79.

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Поэзия Я. П. Полонского. Критический очерк [1896] // Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. статья Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской; коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991. С. 541 [10].

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Красота. Энциклопедическая статья [1895] // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. статья Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской; коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991. С. 548.

опыта человека, как неотъемлема от этого опыта вся чувственная, психо-физическая часть нашего существования¹⁷. И, неотъемлемая от наших природных основ, она не может не соотноситься со всею полнотой человеческой жизни. Ибо, в конце концов, что есть Красота, как не «преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала».¹⁸

И коль скоро Красота сложным и дискретным образом соотносена в нашем тварном мире с Истиной и Добром, коль скоро она является для нас как бы *вестью* о Божественном Всеединстве – вестью, с трудом, но всё же различимой, то и само искусство в лучших его образцах есть воплощение Красоты в зрительном, словесном и музыкальном образе. Однако соотношение нашего критического и анализирующего разума с интуицией прекрасного требует от подлинного художественного творчества (поэзиса) некоторой не только эстетической, но и «нравственной гениальности»¹⁹. В творческой же (и – *implicite* – нравственной) гениальности философ усматривает не только необходимый момент осмысленного поддержания нашей родовой жизни на фоне «сменяющих друг друга и исчезающих поколений»²⁰, но и утверждение перед Вечностью уникальности человеческих существований²¹.

В свете всего сказанного мы не погрешим против истины, определив метафизику Соловьева как *метафизику соотношения*. Соотношения Творящего и тварного, Сущего и Бытия, Всеединства и трех основных его универсалий, Вечности и преходящих людских опытов, обусловленности и свободы, общества и личности²².

Соловьёвский принцип метафизического соотношения (столь близкий существенному для современного знания принципу дополнительности) касается сполна и его поэтологии. Ибо в последней не всеядно, но, необходимо дополняя друг друга, выступают как бы заодно и Пушкин (идея непреложной ценности поэзии как таковой), и Фет (идея Красоты как безусловного смысла поэзии), и Тютчев (идея связи человеческого существования с роковыми силами природы и самого Бытия – «о, как убийственно мы любим...»), и даже... Чернышевский (идея жизни как основы прекрасного). Правда, в своих двух работах о Чернышевском Соловьёв существенно

¹⁷ См.: Соловьёв В.С. Красота в природе [1889] / В.С. Соловьёв // Вопросы философии и психологии. С. 35.

¹⁸ См.: Соловьёв В.С. Красота в природе [1889] / В.С. Соловьёв // Вопросы философии и психологии. С. 38. *Nota bene*: неслучайно еще в начале 80-х годов Соловьёв немало писал о «религиозном материализме» библейской мысли, наложившем отпечаток на весь склад последующей христианской культуры (см.: Соловьёв В.С. Еврейство и христианский вопрос [1884] // Соловьёв В.С. Собр. соч. Фототипическое издание. Т. 4. Bruxelles: Жизнь с Богом, 1966. С. 135–185 [11]).

¹⁹ См.: Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона [1898] // Соловьёв В.С. Философия искусства. С. 171.

²⁰ Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия [1899] // Соловьёв В.С. Собр. соч. Фототипическое издание. Т. 8. Bruxelles: Жизнь с Богом, 1969. С. 167 [12].

²¹ Там же. С. 167–169.

²² Последнее из соотношений было в фокусе философских интересов как самого Соловьёва, так и русских мыслителей «левого» направления: Петра Лаврова, Константина Михайловского, Николая Кареева (последний был другом юности Соловьёва).

уточняет свою апологию этого мыслителя: жизнь – мистична, и потому есть нечто большее, нежели тварная ее оболочка, за пределы которой материалистическое философствование Чернышевского не выходит...

В свете сказанного становится понятным неприятие Соловьевым всяческих форм эстетического сепаратизма, будь то материалистического или позитивистского утилитаризма (отождествление Красоты с пользой), или ницшеанского человекопоклонства (отождествление Красоты с нашими личными притязаниями), или поверхностного эстетства, настаивающего на непричастности интуиции Красоты интуициям и чаяниям Истины и Добра. На взгляд Соловьева, чисто эстетический подход к миру в конечном счете оказывается рафинированной формой простейшего эвдемонизма, сводимого лишь к «прожиганию жизни»²³...

Если же так сложен в мире статус Красоты, то в чем же смысл служения поэта – человека, призванного воплотить идею Красоты в сложном словесно-образно-ритмическом континууме, который, в сущности, и есть поэзия?

Поэзис

*Я раб греха. Но силой новой
Вчера мой дух во мне взыграл,
А предо мною куст терновый
В огне горел и не сгорал.*

Неопалимая купина, 1891 г.

Как христианский и российский продолжатель традиций платоновского идеализма, Соловьев не может не задаваться вопросом: что лежит в основе творчества-поэзиса, в частности поэзиса словесного? На взгляд Соловьева, это всё то же единство мысли, практики и непосредственного созерцания, т. е. вечно недосказанное, в самом Бытии недосказанное единство Истины, Добра и Красоты. Следовательно, само поэтическое творчество (опять-таки: в высоких и подлинных своих образцах) определяется некоторой долей «практического идеализма»²⁴. Последний же перерастает все субъективные и порой не всегда приятные житейские характеристики любого из поэтов. А за работой поэта над словом-образом-ритмом, над «звонкими кристаллами» стиха²⁵ угадывается не только и даже не столько «деятельность ума» (хотя она и неотъемлема от такой работы), сколько «состояние души»²⁶.

²³ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 157.

²⁴ См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина [1897] // Соловьев В. С. Философия искусства... С. 280.

²⁵ Из стихотворения В.С. Соловьева «На смерть А.Н. Майкова» (1897).

²⁶ См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина [1899] // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. С. 328. Неслучайно же Бенедетто Кроче определял поэзию как «квинтэссенцию человечности» (см.: Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / пер., сост. и коммент. Св. Мальцевой. СПб.: Пневма, 1999. С. 349 [13]).

А это «состояние души», как показывает пушкинское поэтическое наследие, определяется не только властью «шестикрылого Серафима» (или же – повелением «божественного глагола»), но и рискованным движением внутреннего поэтического «корабля» среди жизненных стихий, среди «порывов мятежных»...

Жизненные «порывы» могут внушать поэтам несхожие философские, общественные и даже эстетические убеждения. Однако, по мысли Соловьёва, есть в судьбе и призвании истинных поэтов нечто более важное, нежели конкретные «убеждения». Это – некоторое свидетельство о Красоте, без соотнесения с которой едва ли состоятельны в мире и Истина, и Добро²⁷.

В этом смысле Соловьёв согласен с Пушкиным: миссия поэта в мире сродни миссии пророческой²⁸. Миссия пророка более всего сопряжена с мистическими измерениями нравственности и истории, тогда как миссия поэта – самому проникнуться и помочь людям почувствовать и взглянуть в Красоту Божественного Всеединства, знаки которого даны нам в красоте слова и Вселенной (и даже подчас в красоте истории) и в их всегда недосказанной взаимосвязи. Неслучайно же, полагает Соловьёв, муза Тютчева, замороженная хаосом и дисгармонией в космосе, природе и истории, в конечном счете – именно красотой поэтического слова – несёт в мир свидетельство о недосказанном внутреннем смысле и гармонии²⁹.

Мир, распадающийся и гибнущий в каждом поколении, исподволь собирается и воссоздается через наш внутренний опыт:

*Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано...*

Посвящение к неизданной комедии (1880 г.) [4, с. 68]

София

*Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев!*

Три свидания, 1898 г.

Рассуждая о соловьёвской поэтологии, нельзя обойти ее сердцевину – сложную и многозначную «софийную» тему. Тему «Вечно Женственного» (Das

²⁷ См.: Соловьёв В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского [1890] // Соловьёв В.С. Философия искусства... С. 404 [5].

²⁸ Неслучайно Н.М. Зёрнов много писал о пророческих чертах в облике и творчестве Соловьёва. (см.: Zernov N.M. Three Russian Prophets: Khomiakov, Dostoyevsky, Soloviev. L.: SCM Press, 1944. 171 p. [14]).

²⁹ См.: Соловьёв В.С. Поэзия Тютчева [1895] // Соловьёв В.С. Философия искусства. С. 465–483.

Ewig-Weibliche), скрепляющую собой, по мысли философа, и Божеские, и космические, и человеческие судьбы.

«Софийная» тема сопровождала эмоциональный и имажинативный мир философа на протяжении всей его жизни: с детских лет до предсмертных дней. И лучшее тому доказательство – написанная меньше чем за два года до кончины поэма «Три свидания». «Софийная» тема как бы таинственно, всегда недосказанно воссоединяет в себе и образы библейские (ветхо- и новозаветные), и темы космологические и природные³⁰, и образы любимых женщин, и тему России³¹.

Вообще, Соловьев – глубоко библейский, пророческий мыслитель. И в частности, в своей эстетике, поэтике, поэтологии³².

Попытаемся всерьез присмотреться к библейским истокам «софийной» мифологемы в мышлении, поэзии и поэтологии Соловьева.

Зависимость творческого наследия Соловьева от «софийных» гимнов Книги Притчей (8:1-9:6) – проблема общеизвестная, хорошо просматриваемая не столько даже в философских, сколько в поэтических текстах русского философа. Вся эта проблематика была упрощена, уплощена и растиражирована символистской поэзией и последующей религиозно-философской «софиологией». Не говоря уж о популярной литературе.

Философско-поэтическая символизация, хотя и восходящая дальними своими истоками к ханаанским и хеттским верованиям и гимнографии, – а позднее отчасти и подкрепленная влияниями платонизма – тем не менее остается вдохновенной символизацией. Это относится и к каноническим библейским текстам, и к Апокрифике, и к Каббале³³, и к европейской мистике раннего Нового времени³⁴, и – к соловьевскому наследию.

Тогда – вопрос: что же, собственно, символизирует эта тема «Вечно-Женственного» в Самом Творце, в космоисторическом процессе, в твари, во внутреннем опыте человека?

Работа над новым комментированным переводом Притчей, не столь давно вышедшим отдельным изданием³⁵, заставила меня по-новому взглянуть как на этот великий памятник «хохмической» библейской словесности³⁶, так и на весь корпус соловьевского наследия.

³⁰ См. стихотворение В.С. Соловьева «Земля-владычица! К тебе чело склонил я...» (1886 г.).

³¹ О последней теме неоднократно писал в своих соловьевоведческих трудах А.Ф. Лосев (см. напр.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. С. 720 [15]).

³² Даже в его изжитой на исходе пути фантазмагорической утопии «вселенской теократии» можно отыскать несомненно пророческий и потому современный элемент (см.: Рашковский Е.Б. Соловьев и гражданское общество // Соловьевский сборник. М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 398–408. [16]).

³³ См.: Зохар, II, 94b.

³⁴ Это относится и к русской мистической поэзии: вспомним хотя бы «Душеньку» И.Ф. Богдановича.

³⁵ Книга Притчей Соломоновых / пер. с древнеевр., предисл. и коммент. Е. Б. Рашковского. М.: Об-во друзей Свящ. Писания, 1999. 73 с. [17].

³⁶ «Хохма́» (древнеевр.) – Мудрость, Премудрость, Sophia, Sapientia.

Образно насыщенная идея Божественной Премудрости есть, прежде всего, философско-поэтическая символизация *духовной коммуникации* между Творцом и Творением – коммуникации, что вершится при живом и непрерывном участии людских сердец и сознаний³⁷; сама эта коммуникация изначально знаменуется внутренним ликованием творящих сил Божества³⁸.

Более того, и эпизоды Творения в Книге Бытия (Бе-Решит) лишь подкрепляют глубину этой философско-поэтической интуиции «хохмических» текстов Библии: Вселенная, Земля, земная природа, человек, становление сознания в процессе именования человеком тварных существ и встречи с другим человеком³⁹ – всё это задано Творцом в Премудрости, Благе и Красоте. Всё это – по творческому замыслению – *прекрасно (тов мэод)*, хотя и частично омрачено катастрофой Адамова падения. Падения, имеющего характер не только некоей изначально-человеческой трагедии, но и на свой лад продолжающегося в каждом из нас...

Собственно, этот библейский философско-поэтический дискурс – дискурс о неравенстве человека и твари самим себе в превосходящем всякую тварность контексте любящей Премудрости Творца – и лежит в основе соловьевской метафизики Всеединства, равно как и его поэзии: мир задан нам в Истине, Добре и Красоте – мир осквернен, изранен, фрагментирован нашим (адамовым) грехом – пути восстановления и просветления мира, пути к «Женé», облеченной в Солнце (Откр 12:1), пути осознанного возвращения к нашему Творцу так или иначе пролегают через самосознание, практику и подвижничество людей, малых адамов...

Любой философски осведомленный человек заметит здесь черты влияния на Соловьева гегельянского диалектического метода. И это правда. Только вот не вся правда. У Гегеля, в его историзированной метафизике, весь космоисторический процесс исподволь направляется имманентной динамикой человеческой мысли. Последняя же центрируется сама собой. Соловьев же – библейски теоцентричен, христоцентричен, хотя предметная сложность человеческой мысли и истории заставляет его обращаться к теоретической технике академического философствования позапрошлого столетия.

Да и кроме того в самой текстуре мировых культурно-исторических процессов Соловьев (особенно зрелый Соловьев 1890-х годов) усматривает не столько сложную диалектическую гармонию, сколько *конфликтную дополнительность*, в этом мире едва ли разрешимую: конфликтные элементы веры, мысли и культуры не столько «синтезируются» в наличной истории, сколько сходятся за ее границами – в Боге...

³⁷ См.: Притч 8:31.

³⁸ Ср.: Иов 38:7.

³⁹ Быт 2:19-24.

Гротески и надрывность нашего земного существования и – одновременно – сокровенная радость нашего с-Богом-бытия, из которых, собственно, и складывается история, – всё это образует, на мой взгляд, важнейший библейский контекст творчества русского философа. А если вернуться к библейским предпосылкам творчества Соловьева, то стоит вспомнить об одной существенной трудности изучения библейских текстов и, в особенности, столь любимой философом Книги Притчей (Мишлей). В частности, о ее кажущейся разорванности и фрагментарности.

Действительно, книга эта содержит в себе множество исторических, текстологических, стилистических и тематических пластов, множество парадоксов и кажущихся противоречий. Божеское и человеческое, мужское и женственное, царственное и простонародное, городское и деревенское, патетическое и смешное, смирение и негодование, самоотверженность и отчаяние, благородство и людской произвол – всё это отражено и, казалось бы, переплетено на страницах этой относительно небольшой книги. Но всё это – живая и подвижная мозаика, живая и подвижная гармония многоединого Бытия.

Но не таково ли и соловьевское наследие? Вновь повторю соловьевские строки:

*...Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано...*

Таков, собственно, и весь строй соловьевского мышления и творчества: минимум иллюзий (и тем более вопиющи были эти иллюзии!) по части ужасов и убожества наличного мира и – одновременно – философски отрефлексируемая убежденность в царственной Премудрости, сложности и красоте Божественного миропроекта.

Отсюда и свойственное Соловьеву (и притом усиленное и философской рефлексией, и опытом молитвы, и опытом поэтической медитации) неприятие человеческого самомнения и глумления над достоинством другого человека. Соловьев-метафизик, Соловьев-эстетик, Соловьев-поэт, Соловьев-«эколог», Соловьев-правозащитник – один и тот же Соловьев⁴⁰, для которого сознающее себя «софийное» начало мира – «существо и единая сущность всех существ»⁴¹. София для Соловьева – женственное, материнское, сестринское и всегда любящее Присутствие Божества в мире природы и в мире людей, как бы мистическая и внутренне одухотворенная «Шехина». Поиски живого и священного контекста Бытия, поиски Бытия в пламени коммуникации – в этом, собственно, и заключается смысл соловьевской темы Софии.

Еврейский оригинал Притчей (8:22-25) хотя и допускает (с трудом, но допускает) идею совечности созидающей мир Божественной Премудрости Богу,

⁴⁰ См.: Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева. М.: М. Колеров, 2011. 480 с. [18].

⁴¹ См.: Соловьев В.С. Поэзия Я.П. Полонского. Критический очерк [1896] // Соловьев В.С. Философия искусства... С. 520.

Который – превыше любых определений (отсюда – и разнообразные гностические трактовки Софийной проблемы, не миновавшие и нашего философа), но, скорее, определяет ее как Первотворение, как действенный Первопроект сотворения мира. Первопроект, издревле предшествующий времени, земле и земной твари (*ми-кадмэй-арец*, т. е. древнее Земли (Притч. 8:23)).

Однако этой самой «софийной» темой отчасти подсказывается и нарастание трагических мотивов в мировоззрении и поэзии позднего Соловьева: падший человек, падшее общество – не на высоте своего «софийного» призвания. Собственно, в этом основа трагизма земной истории и падений человека; хотя подчас и эти падения могут разрешаться во Благ⁴². Однако, как справедливо отмечал А.В. Гулыга, за элементами трагизма в соловьевском мироощущении стояли не только метафизические интуиции, но и его восприятие событий конкретной истории. В частности, и исторически обоснованный страх позднего Соловьева перед тенденциями кризиса и распада европейской культуры (включая и культуру российскую), в которую было вложено столько усилий религиозного, гражданского и художественного творчества. В том числе, и творчества самого Соловьева⁴³.

И всё же вера в «софийный» строй жизни, в конечное, сверхбытийственное единство Истины, Добра и Красоты не оставляла Поэта-Философа в самые последние и трагические дни его жизни:

*...Призраки вешние
Пусть сожжены, –
Здесь вы, нездешние,
Верные сны.*

*Зло пережитое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви...*

8 июля 1900 г. [4, с. 137].

В заключение: Соловьев и Фет

*И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских пышных роз не меркнет красота...
От пламени страстей..., 1884 г.*

Судя по анкете Соловьева из «Альбома признаний» Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, его любимыми из поэтов прошлого были Пушкин и Мицкевич, а любимыми стихотворениями – пушкинское посвящение к «Полтаве»

⁴² См.: Соловьев В.С. Жизненная драма Платона [1898] // Соловьев В. С. Философия искусства. С. 520.

⁴³ См.: Гулыга А.В. Творческий путь Владимира Соловьева // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: ИФ АН СССР / Мысль, 1988. С. 3–46 [19].

(«Тебе – но голос музы темной // Коснется ль уха твоего?...») и пролог к «Копраду Валленроду» (“*Sto lat mijalo, jak Zakon krzyżowy // We krwi pogaństwa północnego brodził...*”)⁴⁴. Заполнение анкеты, по датировке А.А. Носова, между 29 марта 1888 и 10 июля 1890⁴⁵.

Из поэтов же современников Соловьев более всего ценил Фета, с которым философа связывали узы личной дружбы. Несхожи были их философские и общественные взгляды: Соловьев – верующий человек и отчасти либерал⁴⁶; Фет – неоязычник и консерватор⁴⁷. Но было нечто в самой поэзии Фета, что не могло не быть созвучно и творчеству самого Соловьева: идея осознанной связи Красоты с человеческим опытом мысли, раскаяния, жалости, умиления, восторга. И в этом смысле Фет для Соловьева – прямой сопричастник «софийного» призвания лирической поэзии. Призвания перед Богом и людьми.

В поэзии Соловьева чувствуются и отголоски фетовских ритмов («В сне земном мы тени, тени...» – 1875). Фету – последнему представителю «золотого века» русской дворянской лирической поэзии, дожившему до последней декады века XIX, прямо или косвенно посвящены восемь лирических стихотворений Соловьева: «А.А. Фету, 19 октября 1884 г.»; возможный отклик на трагическую кончину Фета⁴⁸ «В час безмолвного заката...» (1892 г.); «Отошедшим» (1895 г.), «Наконец, она стряхнула...» (1895 г.), «Памяти А.А. Фета» (1897 г.), «А.А. Фету (Посвящение к книге о русских поэтах)» (1897 г.), «Песня моря» (1898 г.), “*Les revenants*” (1900 г.). Правда, за Соловьевым – и две ядовитые эпиграммы по поводу пожалования Фету камергерского звания и мундира (февраль, 1889 г.). Но уж таков человек был Соловьев – эпиграмматист и комедиограф...

...Завершая же и пытаясь подтвердить весь комплекс предшествующих рассуждений о поэтологии Соловьева, я хотел бы полностью привести два соловьевских стихотворения, связанных именно с дружбой философа с Фетом.

Первое стихотворение – «В Альпах» – было написано Философом в августе 1886 г. в Дьяковаре (ныне – Дзяково, Республика Хорватия) во время общения Соловьева с хорватским просветителем – епископом Юраем Штроссмайером; из всей лирики Соловьева Фет более всего ценил именно это стихотворение⁴⁹:

Мыслей без речи и чувств без названия

Радостно-мощный прибор.

Зыбкую насыть надежд и желания

Смыло волной голубой.

⁴⁴ «Сто лет минуло, как крестоносный Орден // Топтался в крови северного язычества...».

⁴⁵ См.: Соловьев Влад. Из «Альбома признаний» Т.Л. Сухотиной // Соловьев В.С. Философия искусства... С. 642; см. также примечание А.А. Носова: там же. С. 690.

⁴⁶ Неслучайно в письме канонику Франё Рачкому от 9/21 декабря 1889 года философ сетовал, что выглядит слишком либеральным для клерикалов и слишком клерикальным для либералов (см.: Соловьев В. С. Письма... Первая пагинация. С. 179).

⁴⁷ См.: Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 77–78.

⁴⁸ См.: Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 78.

⁴⁹ Минц З.Г. Примечания // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: СП-ЛЮ, 1974. С. 297.

*Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.*

*В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой [4, с. 78].*

А второе стихотворение, которое хотелось бы привести, называется «А.А. Фету (Посвящение к книге о русских поэтах)», 1897 г.⁵⁰

*Все нити порваны, все отклики – молчанье.
Но скрытой радости в душе остался ключ,
И не погаснет в ней до вечного свиданья
Один таинственный и неизменный луч.*

*И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещей снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов.*

*Отшедший друг! Твое благословенье
На этот путь заранее со мной.
Неуловимого я слышу приближенье,
И в сердце бьет невидимый прибой [4, с. 116–117].*

Хочу обратить внимание читателя, что в обоих стихотворениях встречается немало слов и словосочетаний, несущих в себе некую отрицательную коннотацию («мысли без речи...», «чувства без названия...», «все отклики – молчанье», «неуловимое...», «невидимый прибой...»).

Однако же душа, мысль, творчество «не покидают земли...», «таинственный луч» продолжает связывать живых и отошедших. Надежда, взращенная на опыте философствования и поэзиса, преодолевает боль утраты...

Таким образом, таинственный опыт поэзии – невыразимое свидетельство о Всеединстве, которое можно осмыслить как вечно недосказанную, но всегда непреложную идиому Царства Божия, которому, собственно, и было посвящено философское, поэтическое и общественное служение Владимира Соловьева.

04.02.2018 (Неделя о Блудном сыне)

⁵⁰ Книга, вопреки намерению философа, так и не была собрана: помешала безвременная смерть (см.: Рашковский Е.Б. Осознанная свобода. С. 115–116).

Список литературы

1. Dahm H. Vladimir Solovyov and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation / transl. by K. Wright. – Dordrecht-Boston: D. Reidel, 1975. XI, 324 p., sch.
2. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М.: Путь, 1911. С. 105–128.
3. Рашковский Е.Б. Осознанная свобода. Материалы к истории мысли и культуры XVIII – XX столетий. М.: Новый хронограф, 2005. 253 с.
4. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: СП-ЛЮ, 1974. 350 с.
5. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской; коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991. 701 с.
6. Седакова О.А. «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/227> – Доступ: 28.01.2018.
7. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. в двадцати томах. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 7–364.
8. Соловьев В.С. Письма к С.А. Венгерову // Соловьев В.С. Собр. соч. Письма и приложения. Фототипическое издание. Bruxelles: Жизнь с Богом, 1970. Вторая пагинация. С. 313–325; Письма канонику Франё Рачкому // Там же. Первая пагинация. С. 164–179.
9. Desmond W. God beyond the Whole. Between Solov'ev and Shestov // Vladimir Solov'ev: Reconciler and Polemicist / ed. by W. van den Bercken e. a. Leuven, etc.: Peeters, 2000. P. 185–210.
10. Соловьев В.С. Поэзия Я. П. Полонского. Критический очерк [1896] // Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. статья Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской; коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991. С. 518–542.
11. Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В.С. Собр. соч. Фототипическое издание. Т. 4. Bruxelles: Жизнь с Богом, 1966. С. 135 – 185.
12. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собр. соч. Фототипическое издание. Т. 8. Bruxelles: Жизнь с Богом, 1969. С. 3–516.
13. Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / пер., сост. и коммент. Св. Мальцевой. СПб.: Пневма, 1999. 480 с.
14. Zernov N.M. Three Russian Prophets: Khomiakov, Dostoyevsky, Soloviev. L.: SCM Press, 1944. 171 p.
15. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
16. Рашковский Е. Б. Соловьев и гражданское общество // Соловьевский сборник. М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 398 – 408.
17. Книга Притчей Соломоновых / пер. с древнеевр., предисл. и коммент. Е. Б. Рашковского. М.: Об-во друзей Свящ. Писания, 1999. 73 с.
18. Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М.: М. Колеров, 2011. 480 с.
19. Гулыга А.В. Творческий путь Владимира Соловьева // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: ИФ АН СССР, Мысль, 1988. С. 3–46.

References

1. Dahm, H. Vladimir Solovyov and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation / Transl. by K. Wright. Dordrecht-Boston: D. Reidel, 1975. XI, 324 p.
2. Berdyayev, N.A. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vl. Solov'eva [The Problem of East and West in Vl. Solovyov's religious conscience], in *Sbornik pervyy. O Vladimire Solov'eva* [Collection one. On Vladimir Solovyov]. Moscow: Put', 1911, pp. 105–128.
3. Rashkovskiy, E.B. *Osoznannaya svoboda. Materialy k istorii mysli i kul'tury XVIII – XX stoletiy* [Conscious Freedom. Some Data Concerning the History of Thought and Culture of the XVIII – XX Centuries]. Moscow: Novyy Khronograf, 2005. 253 p.

4. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Verses and Comic Plays]. Leningrad: SP-LO, 1974. 350 p.
5. Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskustvo, 1991. 701 p.
6. Sedakova, O.A. «*Vakansiya poeta*»: *k poetologii Pasternaka* [A Poet's Vacancy: Towards Pasternak's Poetology]. Available at: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/227> Access: 28.01.2018
7. Solov'ev, V.S. *Kritika otvlechenykh nachal* [Criticism of Abstract Principles], in Solovyov, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 20 t., t. 3* [Complete works in 20 vol., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 7–364.
8. Solov'ev, V.S. Pis'ma k S.A. Vengerovu [Letters to S.A. Vengerov], in Solovyov, V.S. *Sobranie sochineniy. Pis'ma i prilozheniya. Fototipicheskoe izdanie* [Collected Works. Letters and Appendices. A Phototype Edition]. Bruxelles: Zhizn' s Bogom, 1970.
9. Desmond, W. God beyond the Whole. Between Solov'ev and Shestov. Vladimir Solov'ev: Reconciler and Polemicist. Leuven, etc.: Peeters, 2000, pp. 185–210.
10. Solov'ev, V.S. Poeziya Ya.P. Polonskogo. *Kriticheskiy ocherk* [1896] [Ya. P. Polonsky's Poetry. A Critical Essay [1896]], in *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskustvo, 1991, pp. 518–542.
11. Solov'ev, V.S. Evreystvo i khristianskiy vopros [Jewry and the Christian Question], in Solovyov, V.S. *Sobranie sochineniy. Fototipicheskoe izdanie. T. 4* [Collected Works. A Phototype Edition. V.4]. Bruxelles: Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 135–185.
12. Solov'ev, V.S. Opravdaniye dobra. *Nravstvennaya filosofiya* [Justification of Good. Moral Philosophy], in Solovyov, V.S. *Sobranie sochineniy. Fototipicheskoe izdanie. T. 8* [Collected Works. A Phototype Edition. V.8]. Bruxelles: Zhizn' s Bogom, 1969, pp. 3–516.
13. Kroche, B. *Antologiya sochineniy po filosofii. Istoriya. Ekonomika. Pravo. Etika. Poeziya* [Anthology of Philosophical Works. History. Economics. Law. Ethics. Poetry]. Saint-Petersburg: Pnevma, 1999. 480 p.
14. Zernov, N.M. Three Russian Prophets: Khomiakov, Dostoyevsky, Soloviev. Leningrad: SCM Press, 1944. 171 p.
15. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and His Time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.
16. Rashkovskiy, E.B. Solov'ev i grazhdanskoe obshchestvo [Solovyov and Civil Society], in *Solov'evskiy sbornik* [Solovyov's collection of works]. Moscow: Fenomenologiya-Germenevtika, 2001, pp. 398–408.
17. *Kniga Pritchey Solomonovykh* [Solomon's Proverbs]. Moscow: Obshchestvo druzey Svyashch. Pisaniya, 1999. 73 p.
18. Pribytkova, E.A. *Nesvoevremennyy sovremennik: filosofiya prava V.S. Solov'eva* [Untimely Contemporary. V.S. Solovyov's Philosophy of Law]. Moscow: M. Kolerov, 2011. 480 p.
19. Gulyga, A.V. *Tvorcheskiy put' Vladimira Solov'eva* [Vladimir Solovyov's Creative Way], in Solovyov, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: IF AN SSSR, Mysl', 1988, pp. 3–46.